

СИБИРСКИЕ ДЕПУТАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: ПОИСК БАЛАНСА РЕГИОНАЛЬНЫХ И ОБЩЕРОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ (1906–1916 гг.)

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Ставится вопрос о соотношении и взаимосвязи общероссийской и региональной проблематики в парламентских практиках сибирских депутатов I–IV Государственных дум. На основе анализа способов и организационных форм думской деятельности сформулирован вывод о включенности «региональной повестки» сибирской парламентской группы в общенациональный контекст. Раскрыта роль региональной идентичности как фактора, обеспечивающего условия для межпартийного диалога и взаимодействия.

Ключевые слова: Государственная дума; Сибирь; парламентская деятельность; региональная и общенациональная идентичность.

Историография деятельности сибирских депутатов в Государственных думах первых четырех созывов восходит к началу XX в. В настоящее время специалистами по дореволюционной истории региона введен в научный оборот солидный массив источников, ставший основой для анализа состава и деятельности сибирской парламентской группы по отстаиванию интересов региона [1–3], выявления специфики работы депутатов Сибири в Думах разных созывов [4, 5], определения форм и методов взаимодействия сибирских парламентариев с местным населением [6], реконструкции значимых характеристик политической и личной биографии депутатов.

При всем многообразии авторских подходов, позволивших раскрыть различные аспекты и сюжеты в деятельности сибирских депутатов, обращает на себя внимание доминирующая в исследовательской литературе тенденция к освещению их роли в качестве представителей и защитников интересов региона. Между тем имеются достаточные основания считать, что и сами сибирские депутаты, и их избиратели не были склонны сводить миссию членов Государственной думы исключительно к решению специфических проблем края. На страницах периодических изданий, на собраниях местных отделов политических партий и инициативных групп общественности в числе первоочередных задач представителей Сибири в Думе намечалось не только создание благоприятных условий для развития региона, но и осуществление реформ государственного строя [7. С. 487–490].

Предпринятый Ю.П. Родионовым анализ различных по происхождению «наказов» избирателей, получивших одобрение на многолюдных митингах и собраниях выборщиков, также выявил наличие в них двух непереносимых составляющих: социально-политическая часть включала предписание добиваться осуществления гражданских и политических свобод, расширения прав Думы и установления ответственности министров перед парламентом; «региональная повестка» была ориентирована на введение земства и суда присяжных, упорядочение переселенческого дела, отмену политической ссылки в Сибирь и т.п. [8].

В этой связи заслуживает внимания вопрос о степени сопряженности региональных и общероссийских проблем в парламентских практиках сибирских депу-

татов. Его постановка продиктована стремлением сделать очередной шаг на пути комплексного изучения исторического опыта деятельности представителей Сибири в Государственной думе путем введения дополнительного ракурса исследования. Исходным методологическим основанием при этом является ориентация на изучение связей и линий пересечений между множественными измерениями социальных отношений, в данном случае – между региональной и общероссийской идентичностью сибирских депутатов. Использование анализа и синтеза как взаимодополняющих методов научного познания позволяет осуществить репрезентацию способов и форм парламентской деятельности по формулированию и отстаиванию региональных и общероссийских интересов с помощью моделей политического поведения. Такой методический прием, несмотря на определенные упрощения, дает возможность представить частные практики думской деятельности в систематизированном виде и создает необходимые теоретические предпосылки для выявления соотношения и взаимосвязи общероссийской и региональной проблематики в парламентских практиках представителей Сибири.

Изучение и обобщение данных различных источников (в первую очередь материалов Государственной думы) дает основания для выделения четырех ключевых моделей политического поведения сибирских депутатов.

Первая модель содержательно определяется деятельностью, направленной на устранение неравноправного положения Сибири в сравнении с регионами европейской части империи и создание благоприятных условий для развития края. Уже в I Думе сибирские депутаты продемонстрировали стремление и способность к консолидированным действиям по отстаиванию интересов региона, подписав заявление о необходимости увеличения представительства от Сибири в аграрной комиссии и добившись положительного решения этого вопроса [7. С. 491].

Организационной формой парламентской деятельности по решению специфических проблем региона стала «сибирская группа прогрессивных депутатов», идея создания которой возникла в I Думе и была реализована в Думах трех последующих созывов. В зону повышенного внимания группы входили вопросы

землеустройства, введения земства и суда присяжных в Сибири, порто-франко в устьях сибирских рек [9. 1907. № 7. С. 43; 1907. № 15. С. 33; 1909. № 7. С. 37–38; 1910. № 2. С. 50, 53; 10. 1907. 23 мая; 1908. 11 янв., 24 февр., 23 нояб.; 11. 1909. 20 февр.].

Постановка этих вопросов была продиктована в первую очередь пониманием важности их решения для населения региона. Например, в качестве основных аргументов в пользу принятия инициированного сибирской группой в III Думе законопроекта «О порто-франко в устьях Оби и Енисея как мере оживления севера Сибири и установления Северного морского пути» приводились указания на то, что закрытие порто-франко ведет к материальному и нравственному упадку края, сокращению объема торговли, процветанию контрабанды и обнищанию населения [10. 1908. 22 янв., 4 мая]. Вместе с тем очевидно, что стремление к созданию условий для развития промышленности и путей сообщения для ускорения темпов развития экономики края не противоречило и широко понимаемым интересам страны в целом.

Проявляя особую активность в постановке и решении проблем региона, сибирские депутаты неизменно рассматривали их в общенациональном контексте. Так, в марте 1908 г. на заседании Государственной думы В.А. Караулов от имени сибирской группы заявил: «На переселение мы... смотрим с точки зрения государственной и протестуем не против самого переселения, а против способа переселения. Мы боимся, что обратное течение будет все возрастать и создаст очень опасный элемент» [11. 1909. 15 марта]. В другом заявлении сибирской группы, с которым с трибуны III Думы выступил Н.К. Волков, констатировалось разочарование «в способности современного правительства к сколько-нибудь разумной государственной политике в отношении Сибири», а лица, оказывавшие противодействие введению земства в регионе, объявлялись «врагами не только Сибири, но и всего государства» [12. С. 53–54].

Не исключено, что подобные заявления отчасти являлись своеобразным тактическим маневром, призванным усилить аргументацию в пользу принятия мер для решения проблем Сибири. Однако естественно предположить, что они были продиктованы и здравым пониманием зависимости благополучия страны от состояния дел в столь обширном регионе. Выступая от имени сибирской группы на заключительной сессии III Думы, Н.К. Волков подчеркнул: «Сибирская группа рассчитывала на понимание правительством того, что нельзя безнаказанно, даже с точки зрения коренной России... обрекать на дальнейший застой всю культурную и хозяйственную жизнь громадной страны с непочатыми естественными богатствами, с бодрым и деятельным населением, ассимилирующим все новые, вливающиеся в его среду потоки переселенцев, – страны, находящейся в непосредственном соседстве с лихорадочно обгоняющей по пути прогресса культурные государства Европы империей Восходящего солнца и с проснувшимся к новой жизни колоссальным Китаем» [Там же. С. 53]. Напоминая о геополитических интересах России, си-

бирские депутаты инкриминировали бюрократии полную неспособность к пониманию того, что «всякая задержка в здоровом культурном и хозяйственном развитии Сибири грозит экономическим захватом ее в будущем более предприимчивыми и культурными соседями» [Там же. С. 54].

В целом именно концентрация внимания правительственных кругов почти исключительно на проблемах центра порождала у сибиряков вполне естественное стремление к преодолению этого дисбаланса интересов с помощью инициирования региональных реформ.

Практическим воплощением второй модели политического поведения являлось оперативное реагирование с помощью депутатских запросов на текущие события в регионе. Начало такого рода парламентским практикам было положено еще в I Государственной думе. Депутаты от Сибири А.Н. Ушаков, А.И. Макушин, С.И. Колокольников, А.Д. Нестеров и Е.Н. Пуртов поставили свои подписи под заявлением, осуждавшим методы борьбы с «государственной крамолой» в Тобольске. А.Н. Ушаков, Н.Ф. Николаевский, М.И. Овчинников, А.И. Макушин, Г.И. Ильин, Е.П. Пуртов, А.Д. Нестеров и Д.Н. Немченко были также в числе инициаторов запроса в адрес министров народного просвещения и внутренних дел по поводу административной ссылки в феврале 1906 г. профессоров и преподавателей Томского технологического института во главе с директором Е.Л. Зубашевым [4. С. 80]. В ноябре 1908 г. сибирская группа депутатов постановила внести в III Государственную думу запрос по поводу незаконных и ничем серьезно не мотивированных фактов закрытия администрацией просветительных обществ и учреждений во многих сибирских городах [9. 1908. № 39–40. С. 84; 11. 1908. 15 нояб., 16 нояб.]. С обоснованием запроса о помощи голодающему населению Тобольской губернии выступал депутат III Думы от Тобольской губернии К.И. Молодцов [12. С. 16]. Представители Томской губернии Н.В. Некрасов и А.А. Скороходов мотивировали в своих речах спешность обсуждения и принятия запроса министрам внутренних дел и юстиции в связи с незаконными действиями властей во время забастовки рабочих на Ленских золотых приисках [12. С. 15, 76–84].

Депутатские запросы в связи с конкретными событиями в Сибири фактически являлись формой протеста против репрессивной политики, силовых приемов центральной и местной администраций во взаимоотношениях с обществом и явного пренебрежения интересами населения. При этом поводы для такого рода запросов депутаты региона не воспринимали как некие частные «эпизоды» локального характера, отдавая себе отчет в том, что они отражают общую ситуацию в стране.

Осознание необходимости консолидированных действий для обеспечения правового порядка и социальной стабильности в государственном масштабе являлось стимулом для активного и заинтересованного участия сибирских депутатов в обсуждении вопросов, инициированных представителями других реги-

онов. Одним из многочисленных примеров, иллюстрирующих эту модель политического поведения, могут служить выступления депутатов I Думы А.И. Макушина и Н.Ф. Николаевского в прениях по докладу о белостокском антиеврейском погроме. «Преступление, совершенное в Белостоке, не представляет из себя чего-нибудь единичного, это только звено той цепи, которую русское министерство старается задержать стремление русского народа к свободе», – заявил Н.Ф. Николаевский. В подтверждение этого заявления он сослался на действия в Сибири карательного отряда генерала Меллер-Закомельского в начале 1906 г. и потребовал привлечь виновных в погромах к ответственности. Обличительным пафосом была проникнута и речь А.И. Макушина, который не преминул воспользоваться случаем для осуждения попустительства по отношению к участникам томского погрома в октябре 1905 г. со стороны местной администрации во главе с губернатором Азанчевским-Азанчевым [4. С. 7].

Действительно, события в различных регионах страны давали богатую пищу для проведения параллелей, являясь симптомами общего неблагополучия. Понимание значимости совместных усилий для решения общероссийских проблем и стало основой для реализации парламентских практик сибирских депутатов, связанных с поддержкой запросов представителей других территорий.

Вместе с тем для политически активных граждан, какими в большинстве своем являлись депутаты Государственной думы, была очевидна невозможность обеспечения социальной стабильности и правового порядка, создания благоприятных условий для экономического и культурного развития страны вне принципиального реформирования различных сфер общественного устройства (при этом расхождения в представлениях о целях и содержании реформ, безусловно, могли быть весьма существенными). Поэтому важным направлением в деятельности сибиряков стало участие в разработке и обсуждении законопроектов, имевших общегосударственный формат. Основными организационными формами, в которых реализовалась эта модель политического поведения, стали думские комиссии и партийные фракции. В разное время представители Сибири входили в состав таких комиссий, как: церковная, вероисповедная, старообрядческая, финансовая, бюджетная, университетская, аграрная, переселенческая, рыболовная, охотничья, сельскохозяйственная, путей сообщения, по делам православной церкви, по борьбе с пожарами, по народному образованию, по местному самоуправлению, по разбору корреспонденции [7. С. 524, 548; 12. С. 86–89; 13. С. 1, 21, 27, 33, 35, 41, 43, 55; 14. 1913. 24 нояб.].

Активная роль и авторитет сибиряков в думских комиссиях подтверждаются их выступлениями с докладами от имени комиссий на заседаниях Государственной думы, а также руководящими постами некоторых депутатов. Например, депутат от Енисейской губернии В.А. Караулов являлся в III Думе председателем старообрядческой и товарищем председателя

вероисповедной и переселенческой комиссий, депутат от Томской губернии Н.В. Некрасов – секретарем бюджетной комиссии. Н.В. Некрасов, кроме того, входил в состав руководства фракции партии народной свободы, выполняя с 1910 г. обязанности товарища председателя фракции ПНС (П.Н. Милюкова) и товарища председателя комитета фракции (А.И. Шингарева) [11. 1910. 17 нояб.]. Депутат от Тобольской губернии В.И. Дзюбинский в III Думе был избран товарищем председателя фракции трудовиков, а в IV Думе возглавил её работу в качестве председателя [15. Стб. 1149].

Участие в работе партийных фракций Государственной думы являлось еще одной формой парламентской деятельности. Наряду с беспартийными Сибирь в Думах первых четырех созывов в разное время представляли член партии демократических реформ, октябристы, кадеты, трудовики, энесы, эсеры, социал-демократы. Разнородность партийного состава создавала потенциальную угрозу конфликта интересов. Первые признаки этого обнаружили уже при создании сибирской парламентской группы во II Думе, когда члены РСДРП И.К. Юдин, А.К. Виноградов и В.Е. Мандельберг, а также эсер А.И. Бриллиантов отказались войти в её состав ввиду невозможности «сблизить задачи партийных программ с более узкими задачами областной группы» [9. 1907. № 15. С. 31]. Примечательно, что в «наказах» депутатам, написанных социал-демократами или при их активном участии, местным проблемам не уделялось сколько-нибудь значительного внимания. Причину этого Ю.П. Родионов видит «в принципиальной позиции радикальных противников самодержавия, ставивших интересы классовой борьбы выше локальных, частных, успешная защита которых невозможна, по их мнению, без ликвидации монархии» [8. С. 234].

По-видимому, неслучайно в уставе группы была предусмотрена формулировка: «Постановления большинства для меньшинства необязательны в том случае, если эти постановления нарушают партийные директивы меньшинства» [10. 1907. 8 дек.]. Разногласия членов различных партийных фракций, входивших в состав сибирской группы, действительно имели место. В частности, первоначально трудовики и социал-демократы в своих позициях по аграрно-переселенческому вопросу разошлись с кадетами [2. С. 13–15]. Однако разногласия не перерастали в конфронтацию, оппоненты были открыты для диалога и поиска совместных решений по вопросам, касавшимся интересов региона. Возможно, отчасти это объяснялось незавершенностью процесса партийной самоидентификации сибиряков [16]. Вместе с тем и те депутаты, которые вполне определились со своей партийно-фракционной принадлежностью, проявляли готовность к компромиссу и сотрудничеству в отстаивании интересов Сибири и её населения. «В своих групповых совещаниях сибиряки-депутаты сливаются в очень дружную оппозиционно-настроенную семью, – отмечал социал-демократ Т.О. Белоусов. – ...Общее положение представляемой нами окраины, общность настроения ее населения делают слишком

мало заметными детали различий в партийных платформах» [10. 1908. 7 марта]. Не исключено, что заявление депутата от Иркутской губернии несколько идеализировало реальное положение дел, однако показательно, что каких бы то ни было публичных опровержений по этому поводу не последовало. Согласованные действия представителей региона в Государственной думе встречали одобрение и поддержку со стороны местной инициативной общественности. «Мы считаем объединение сибирских депутатов в особую группу весьма целесообразным, – писала газета «Сибирская жизнь», – и общее стремление ее членов к ряду реформ, касающихся Сибири, вполне возможным, несмотря на разницу политических взглядов» [14. 1909. 3 сент.].

В целом, комплексный анализ основных моделей политического поведения сибирских депутатов позволяет делать вывод о стремлении большинства из них к поиску оптимального соотношения в представительстве общероссийских и региональных интересов. Особое внимание сибирских депутатов к проблемам региона являлось показателем того, что они соотносили себя с интересами территории и видели одну из важнейших задач своей деятельности в Государственной думе в представительстве этих интересов. Однако это обстоятельство не стало препятствием для активного участия в обсуждении общегосударственных проблем и разработке законопроектов для их решения. Поднимая в Государственной думе вопросы, связанные с созданием благоприятных условий для политического, социально-экономического, культурного развития края, сибиряки не предполагали

обеспечения региону особого статуса и предоставления каких-либо исключительных преференций. Предлагавшиеся ими решения не только не противоречили интересам страны в целом, но и призваны были способствовать формированию единого политического, социокультурного и экономического пространства за счет устранения дискриминации в отношении Сибири и обеспечения её равноправного статуса в составе России. Таким образом, региональная идентичность депутатов, будучи вполне отчетливо выражена, не вступала в конфликт с их общероссийской идентичностью.

Вместе с тем, проявляя заинтересованность в решении общегосударственных проблем, свой гражданский долг – долг перед Отечеством в целом – сибиряки в ряде случаев понимали по-разному в силу специфики социальной принадлежности, партийных позиций и / или идейно-политических предпочтений, что затрудняло консолидацию в определении перспектив общественного переустройства страны и, соответственно, приоритетных направлений законодательства. В этой связи участие в деятельности сибирской парламентской группы предоставляло едва ли не уникальные возможности для приобретения опыта межпартийного взаимодействия, достижения консенсуса по социально значимым вопросам. В таком контексте опыт сибирских депутатов Государственной думы в начале XX в. приобретает особое значение, демонстрируя потенциал региональной идентичности в качестве ресурса формирования общероссийской идентичности, позволяющего обеспечивать баланс разнонаправленных партийно-политических интересов и устремлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов А.А. Сибирские депутаты в Государственных думах (1906–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 14 с.
2. Барсуков В.Л. Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в Государственной думе. 1906–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 16 с.
3. Шиловский М.В. Сибирская парламентская группа: опыт отстаивания региональных интересов (1907–1917 гг.) // Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы. Красноярск, 2006. С. 145–148.
4. Родионов Ю.П. Представительство от Сибири в Государственной думе первого созыва (1906 г.) // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 5–9.
5. Сафронов С.А. Участие Сибирской парламентской группы в работе III Государственной думы // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 13–16.
6. Рейзвих Ю.В. Взаимодействие депутатов Государственной думы от Западной Сибири с населением региона в 1906–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 26 с.
7. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 813 с.
8. Родионов Ю.П. «Наказы» сибирским депутатам Государственной думы как исторический источник // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6–7 октября 1999 года : материалы конф. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 231–235.
9. Сибирские вопросы. Санкт-Петербург.
10. Сибирь. Иркутск.
11. Речь. Санкт-Петербург.
12. Третья Государственная дума. Сессия пятая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1911 г. – 9 июня 1912 г. Отчет и речи депутатов. СПб., 1912. Ч. I. 91 с.
13. Комиссии Государственной думы. Личный состав комиссий к 31 января 1909 г. СПб., 1909.
14. Сибирская жизнь. Томск.
15. Деятели революционного движения в России : биобиблиограф. словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1934. Т. 3, вып. 2. Стб. 691–1580.
16. Родионов Ю.П. Идентификация партийности сибирских депутатов Государственной думы в 1906–1917 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 23–30.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2015 г.

SIBERIAN DEPUTIES IN THE STATE DUMA: SEARCH FOR A BALANCE BETWEEN LOCAL (REGIONAL) AND ALL-UNION INTERESTS (1906–1916.)

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 137–141. DOI: 10.17223/15617793/395/22

Kharus Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Keywords: State Duma; Siberia; parliamentary activity; regional and nation-wide identity

This paper raises a question of correlation and interconnection between All-Russian and regional topics in parliamentary practice of Siberian representatives in State Dumas. Orientation on studying the links and crossing lines between the multiple dimensions of social relations (in this particular case, between the regional and All-Russian identity of Siberian deputies) became an initial methodological basis for solving this question. On the ground of classification of particular historical materials, four models of political behavior can be presented: 1) consolidated actions of the Siberian parliamentary group aimed to create a conducive environment for political, social, economic and cultural development of the region; 2) quick reaction to current regional events via deputy inquiries; 3) supporting of inquiries of representatives of other regions; 4) participation in working-out and discussion of the federal draft. Comprehensive analysis of models of Siberian deputies' political behavior shows that most of them tried to find an optimal balance between representing the interests of the whole country and of its particular territory. Being especially active in setting of regional problems, Siberian deputies constantly considered them in a nation-wide context. Solutions offered by the Siberian parliamentary group did not imply giving any exceptional preferences to the region. Implementation of these solutions was supposed to help in formation of an integrated political, social, cultural and economic space by elimination of discrimination against Siberia and to provide its equal status among Russian regions. The interest of Siberian representatives in solving nation-wide problems is confirmed by their involvement into the work of various Duma's commissions and party factions. All in all, even though regional identity of the deputies was strongly pronounced, it did not conflict their All-Russian identity. Moreover, the historical experience of the Siberian parliamentary group demonstrates the potential of regional identity to be a factor of ensuring a dialog and a constructive interaction between representatives of different ideological and political movements, which allows admitting a possibility of using it as a resource for the formation of the All-Russian identity.

REFERENCES

1. Kuznetsov A.A. *Sibirskie deputaty v Gosudarstvennykh dumakh (1906–1914 gg.)*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Siberian deputies in the State Dumas (1906–1914). Abstract of History Cand. Diss.]. Moscow, 1980. 14 p.
2. Barsukov V.L. *Sibirskie deputaty i agrarno-pereselencheskiy vopros v Gosudarstvennoy dume. 1906–1914 gg.*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Siberian deputies and agro-colonization issue in the State Duma. 1906–1914. Abstract of History Cand. Diss.]. Novosibirsk, 1990. 16 p.
3. Shilovskiy M.V. [Siberian parliamentary group: the experience of settling regional interests (1907–1917)]. *Parlamentarizm v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennye problemy* [Parliamentarism in Russia: historical experience and modern problems]. Krasnoyarsk, 2006, pp. 145–148. (In Russian).
4. Rodionov Yu.P. The delegation of Siberia in the first session of State Duma (1906). *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2009, no. 5 (81), pp. 5–9. (In Russian).
5. Safronov S.A. Participation of Siberian parliamentary group in the III State Duma (1907–1912) *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2012, no. 2 (106), pp. 13–16. (In Russian).
6. Reyzvikh Yu.V. *Vzaimodeystvie deputatov Gosudarstvennoy dумы ot Zapadnoy Sibiri s naseleniem regiona v 1906–1914 gg.*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Interaction of the State Duma deputies from the Western Siberia with the population of the region in 1906–1914. Abstract of History Cand. Diss.]. Omsk, 2007. 26 p.
7. Kharus' O.A. *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka*: dis. d-ra ist. nauk [Liberalism in Siberia in the early 20th century. Abstract of History Dr. Diss.]. Tomsk, 1998. 813 p.
8. Rodionov Yu.P. ["Instructions" to Siberian deputies of the State Duma as a historical source]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Vtorye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina 6–7 oktyabrya 1999 goda: materialy konf.* [Topical issues of the history of Siberia. Second scientific readings in memory of Professor A.P. Borodavkin. October 6–7, 1999: Conference Proc.]. Barnaul, 2000, pp. 231–235.
9. *Sibirskie voprosy*.
10. *Sibir'*.
11. *Rech'*.
12. *Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Sessiya pyataya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1911 g. – 9 iyunya 1912 g. Otchet i rechi deputatov* [Third State Duma. Fifth session. The faction of people's freedom in the period of October 15, 1911 – June 9, 1912. Reports and speeches of deputies]. St. Petersburg, 1912. Pt. I. 91 p.
13. *Komissii Gosudarstvennoy dумы. Lichnyy sostav komissiy k 31 yanvarya 1909 g.* [The Commissions of the State Duma. The staff of the commissions by January 31, 1909]. St. Petersburg, 1909.
14. *Sibirskaya zhizn'*.
15. *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: biobibliograf. slovar'. Ot predshestvennikov dekabristov do padeniya tsarizma* [The leaders of the revolutionary movement in Russia: Biobibliography Dictionary. From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism]. Moscow, 1934. V. 3, is. 2, col. 691–1580.
16. Rodionov Yu.P. *Identifikatsiya partynosti sibirskikh deputatov Gosudarstvennoy dумы v 1906–1917 gg.* [Identification of partisanship of Siberian deputies of the State Duma in 1906–1917]. In: *Sibir': XX vek* [Siberia: the 20th century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1999. Is. 2, pp. 23–30.

Received: 19 April 2015